

*Оксана
Алексеева*

Ген Книга 1
бессмертия

Ген Бессмертия

Оксана Алексеева

Ген Бессмертия

«Автор»

2016

Алексеева О.

Ген Бессмертия / О. Алексеева — «Автор», 2016 — (Ген Бессмертия)

Ген бессмертия. Узнать о существовании целой Империи бессмертных вампиров – это еще полдела. Анне предстоит и быть втянутой в их интриги, и ответить на пару сотен вопросов, не предполагающих правильного ответа. И что бы она ни выбрала – любое решение приведет к началу Второй Войны за имперский трон.

© Алексеева О., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Начало	6
Глава 2. Теодор	12
Глава 3. Бет	17
Глава 4. Ник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Оксана Алексеева

Ген бессмертия

Пролог

Я вышла из здания и вдохнула полной грудью морозный воздух. В мыслях царила ошеломляющая легкость, а настроение неуклонно повышалось. Я шла по улице, наслаждаясь погодой и улыбаясь всем прохожим. Наверное, в тот момент я выглядела вызывающе прекрасной или безумной. Теперь я совершенно точно знала, что будет дальше.

Здравствуй, мир! Приветствуй рождение нового чудовища, какого ты еще не знал.

Глава 1. Начало

Впервые я увидела Андрея, когда училась в пятом классе. Как-то раз, на перемене, я поссорила с девочкой из параллели. Причину конфликта уже и не помню, да теперь это совсем неважно. Кто-то кого-то толкнул, кто-то первым выкрикнул оскорбление, кто-то оскорбил еще сильнее. Это не та история, которая становится основой для душещипательного повествования. Но для меня – ребенка, до сих пор не являвшегося участником серьезных конфликтов, отличницы с примерным поведением, – тогда все это, наверное, было ужасно. Или не настолько ужасно, раз я даже имени той девочки сейчас вспомнить не могу. После школы она со своей свитой встретила меня, желая расставить все точки над «ё». Хотя какие точки могли быть в пятом-то классе? Меня окружили незнакомые мальчишки, схватили за руки и потащили за здание школы. Наверное, я тогда очень испугалась. Сначала они просто толкали меня и оскорбляли. А эта самая девочка нервно подпрыгивала вокруг меня и ржала как конь, которого силой заставляют ржать. Что-то кричала в ответ на мое молчание, угрожала, приказывала извиниться. Меня трясло от страха, почему и сказала тихо:

– Извини.

Думаю, что люди, подобные окружившим меня тогда, впадают в своеобразный транс. Они перестают мыслить самостоятельно, они как будто объединяются на волне азарта и превращаются в единое существо. Мою обидчицу это «извини» не успокоило, а только раздрадило еще больше.

– Что-то плохо слышно! Повтори, – кричала она.

– Извини, – сказала я громче, хотя голос подводил.

Девочка же словно обезумела, а с нею и вся толпа. Кто-то начал выкрикивать: «Давайте разденем ее догола!». Другие подхватили: «Запинаем ее!», «Мордой в унитаз!», «Пусть ботинки оближет!». При этом толчки начали перерастать в несильные пока удары. Сзади схватили за волосы.

– И как же тебя наказать, сука? Я сегодня добрая, так что даю тебе право выбора – как ты хочешь, чтобы тебя наказали?

И вдруг я перестала бояться. Вообще. Как будто меня окатило ледяной водой, которая заморозила все рефлексы и эмоции. Попыталась выпрямиться, несмотря на жгучую боль от оттянутых волос, и совершенно спокойным голосом произнесла:

– Я не буду выбирать. Человек не выбирает за зверей.

– Ах ты, сука... Ты думаешь, что лучше нас?! – она даже оторопела. Это делало ей честь. Она хотя бы поняла мои слова, в отличие от остальных. Кто-то из толпы пнул в живот. Я согнулась от боли и нехватки воздуха. Но больше я не боялась: я отпихивала тех, до кого могла достать, я пинала все, до чего могла дотянуться. Я не думала о своей боли и ссадинах – я представляла, как больно делаю им.

И вдруг все прекратилось. Дети вокруг были испуганы, общее возбуждение за несколько секунд сошло на нет. И тогда я впервые увидела ЕГО – взрослого парня, почти мужчину. Он за шкирку оттащил от меня того, кто еще не понял, что ситуация изменилась. Не помню слов, что он говорил, оглушенная, ослепленная прекрасным принцем, пришедшим на помощь, – высоким, сияющим в ауре светлых волос. Он кричал на них до тех пор, пока первый из детей не сообразил, что нужно бежать. За ним побежали остальные. А он подошел ко мне, осмотрел, аккуратно поправил порванную на плече форму и спросил:

– Ну и чего ты лыбишься?

– Сейчас они боятся сильнее, чем боялась я, – ответила с гордостью пятиклассницы, впервые столкнувшейся с жизнью.

Он тоже улыбнулся, взял меня за руку и сказал просто:

– Говори свой адрес.

Андрей зашел к нам и объяснил, что произошло. Мама на удивление спокойно все приняла, только без конца гладила меня по голове и плечам и глупо переспрашивала, не хочу ли я чаю. Когда Андрей собрался уходить, мама порывисто обняла его, от чего парень смутился, что-то пробормотал и вышел за дверь.

Мы с мамой больше никогда не вспоминали тот случай. Синяки и ссадины прошли за несколько дней. Никого из тех детей я больше не видела – или их исключили, или они сами перевелись в другую школу. Я подозревала, что это устроил Андрей, потому что сама ничего для этого не сделала. Самого своего спасителя я иногда видела в школьном коридоре, и он всегда с улыбкой отвечал на мое приветствие. Позже я узнала, что он учится в выпускном классе, чудесно играет на фортепиано и танцует вальс, чему я стала свидетелем на одном из общешкольных мероприятий. А потом он окончил школу, и с тех пор мы никогда больше не встречались.

Конечно, сначала эта была детская влюбленность. Но не страстное желание взаимности и призрачные фантазии о нем. Нет, это было только мое чувство, которое я ни с кем не хотела делить. Андрей стал неотъемлемой частью меня. Мой Ангел-Хранитель. Мое внутреннее сокровище, воспоминание о котором всегда придавало мне сил. Я не сомневалась, что для него тот случай вообще не имел какого-то особого значения, что он помог бы любому человеку, оказавшемуся на моем месте. К тому же, те дети, даже учитывая их численное превосходство и монолитное озверение толпы, не могли причинить ему серьезного вреда. Дело было совсем не в этом. Андрей стал для меня олицетворением всего хорошего, что есть в людях. Положительные книжные герои выглядели для меня, как он – светлые волосы, голубые глаза и мягкая улыбка. С годами я уже не помнила его лицо, только общие черты, но и это не имело никакого значения. Он просто навсегда теперь был во мне.

Сейчас, когда я вспоминаю тот случай, то понимаю, что именно он существенно изменил меня, хотя тогда я этого не осознавала. Я бросила музыкальную школу и записалась на секцию дзюдо. Нет, никаких значительных успехов в спорте я не добилась, но зато чувствовала себя увереннее. Теперь на грубость в свой адрес я не краснела и заикалась, а отвечала грубостью. Один раз даже ввязалась в драку, когда в восьмом классе одноклассники начали издеваться над скромной и некрасивой новенькой девочкой. С тех пор та девочка, Юлька, – моя лучшая подруга. Надо заметить, что к окончанию школы Юлька неожиданно быстро расцвела и преобразилась, и те самые школьники, которые несколько лет назад смеялись над ней, теперь составляли костяк ее свиты. Она была в центре внимания мальчиков, ну и я попадала под свет рампы, раз уж мы были неразлучны. Мне нравилось их общество, но никаких чувств я никогда к тем парням не испытывала. Самые лучшие из них меркли перед моими воспоминаниями об Андрее.

После школы я без труда поступила в институт на экономический факультет. Это было желание мамы, а я вообще не чувствовала призвания ни к одной из профессий, поэтому просто одобрила ее выбор. А Юлька уехала в Москву поступать в театральное.

На третьем курсе института со мной произошла странная история. После пары меня вызвали в деканат, где сказали, что пришли сотрудники банка, они проводят собеседования с успевающими студентами и предлагают перспективы хорошей карьеры после окончания вуза. Я прошла в указанную аудиторию и обнаружила, что там, кроме меня, других студентов нет.

В аудитории за столом сидел один-единственный человек. Мужчина был широкоплеч и, как я могла оценить, невысок ростом. У него была поистине восхитительная внешность – абсолютно седые волосы, но лицо очень красивое, без явных признаков старения. Глаза пронзительные, серые, почти с металлическим оттенком. Лицо неэмоциональное. Я бы дала ему лет сорок, но могла и серьезно ошибаться.

Села на стул напротив и поздоровалась. Он ответил голосом настолько приятным, что почти завораживал:

– Добрый день. Я представляю банк... – он озвучил название, – и нас интересуют студенты-экономисты, которые после выпуска могли бы стать нашими сотрудниками.

И тут до меня дошло – что-то не так! Что-то в происходящем было неправильным. Зачем искать сотрудников среди третьекурсников, ведь за пару лет многое может измениться? Почему пригласили именно меня? Да, я хорошо учусь, но таких же отличников только в моей группе наберется еще несколько человек. В этом не было смысла. А бархатно-карикатурное очарование сидящего передо мной мужчины только усиливало ощущение неестественности происходящего. Не определив для себя окончательно, что же меня смущает, я предпочла пока сохранять молчание. Тогда он спросил:

– Я могу вам задать несколько вопросов?

– Да, – прозвучало несколько холодно, но я хотела для начала разобраться, что к чему.

– Плотникова Анна Викторовна?

– Да, – чувствую себя прицепленной к полиграфу.

– Какие предметы Вам нравятся больше всего, Анна?

– Я успеваю по всем предметам.

– Но я спросил не об этом, – выражение его лица не менялось совершенно. Это было тоже странно, хотя, возможно, я уже сама себя настраивала на мистическую волну.

– Макроэкономика, институциональная экономика, теория статистики, международные экономические отношения.

Ну, а что? Меня спрашивают – я отвечаю.

– Чем вы увлекаетесь помимо учебы?

– Читаю книги.

– Какие?

А вот это уже ни в какие ворота! Он ничего не записывал, но я наглядно представила, как заполняется мое досье: «Такая-то девица такого-то года от роду, Шопенгауэра не читала, с Кантом ознакомлена поверхностно, а вот Донцовой себе всю репутацию испортила. Казнить!». Но я очень вежливая, мама бы мною гордилась:

– Разные.

Мне показалось или губы у него едва дернулись?

– Кем работают ваши родители?

Я проигнорировала множественное число.

– Мама – главный экономист в крупной компании.

– Каков ее средний заработок?

Ага. Вот сейчас он предложит косметику по каталогам продавать.

– Не думаю, что это вас касается.

Он никак не отреагировал на выпад и продолжал:

– Отец?

Отец. Я вообще никогда не знала своего отца. В детстве я спрашивала у мамы про него, она ответила, что тот ушел от нее еще до моего рождения. Позже, будучи подростком, я выяснила, что они с мамой даже не встречались. Просто так вышло, что они оказались в одной постели, она забеременела, а папаша исчез из города сразу, как только услышал эту новость. У меня не было по этому поводу ни тяжелых переживаний, ни ненависти к нему. Чем больше я об этом думала, тем больше понимала, что винить его сложно – он был таким же подростком, как мама, он не любил ее, не считал своей девушкой. Он не знал, как справиться с возникшей проблемой. Он просто оказался более слабым, чем мама. Я никогда не оправдывала его, но и не осуждала. Я вообще о нем не думала. Моя семья – это мама. Мне всегда этого было достаточно.

Я перебрала в голове варианты ответа, но вдруг осознала, что я этому милому дядечке ничего не должна объяснять. Кроме того, я никогда не мечтала ни о работе в банке, ни о продаже косметики по каталогам. Поэтому, вместо ответа, встала и спокойно спросила:

– Собеседование закончено? Я могу идти?

А вот сейчас он точно улыбнулся. Прямо почти по-настоящему! И кивнул.

Вечером, придя домой, я рассказала маме об этом странном собеседовании. Она зачем-то очень подробно расспросила меня о внешности моего «банкира», а потом задумчиво закивала головой. Это уже тогда показалось подозрительным, но мама на мой вопрос ответила: «Да-да, странно. Нет, я ничего об этом не знаю». Собственно, эта история очень быстро забылась за неимением дополнительной пищи для размышлений.

Студенческие годы пролетали. Я была счастливой молодой девушкой – немного странной, иногда замкнутой, иногда грубой, иногда общительной и дружелюбной, ходила на студенческие вечеринки и вкушала последние радости остатка детства. И во мне всегда жил Андрей. Наверное, поэтому на пятом курсе я и начала встречаться с Гришкой – голубоглазым улыбочивым блондином, который отдаленно имел внешнее сходство с моим прекрасным принцем. Гришка был хорошим человеком и моей маме очень нравился. Месяц у нас с ним ушел на то, чтобы наслаждаться друг другом, и еще год – на то, чтобы понять, что, в общем-то, нас ничего, кроме секса и пустых разговоров, не связывает. Инициатором расставания стала я, но Гришка, как мне показалось, даже ощутил облегчение. Очень быстро он обзавелся другой подругой, о чем и поспешил мне сообщить. Возможно, ему был необходим хоть укол ревности с моей стороны, чтобы окончательно поставить точку, чтобы убедиться, что год, проведенный вместе, хоть что-то для меня значил. Укол ревности был.

После института мне предложили остаться на кафедре в должности ассистента, и я согласилась. Мне казалось, что у меня подходящий характер для преподавания, да и других планов у меня не было. Шло время, я поступила в аспирантуру, вела семинары и ходила на лекции к именитым профессорам. В моей жизни все было правильно. А потом мама умерла.

* * *

На похоронах я не плакала. Стояла спокойно, выпрямив спину, и смотрела в точку впереди себя, как будто происходящее меня не касалось. Люди подходили ко мне, что-то говорили, я кивала и возвращалась к своей точке. Думала о том, почему люди вообще плачут на похоронах, зачем нужны венки и искусственные цветы. Думала о том, что тете Свете нелегко было решать все проблемы, связанные с организацией траурных церемоний. Думала о том, что пришло очень много людей, большинство из которых я не знала. Даже Гришка пришел. Возможно, я должна быть ему за это благодарна. Или не должна? Должна ли я вести себя каким-то определенным образом или от меня никто ничего не ждет? Может быть, все хотят, чтобы я заплакала? Я думала о маминой желтой кружке.

Первой обо всем узнала моя тетя. Я была дома, ждала маму, которая должна была вернуться с корпоративной вечеринки. В дверь позвонили, это и пришла тетя Света – мамина сестра. Она была какой-то серой, заплаканной и очень тихой. Ничего не сказав, обняла меня. И я сразу все поняла.

Тетя Света была разбита. Она рассказала, что произошла авария – два человека серьезно пострадали, а мама скончалась на месте. Велела мне собрать все необходимое, чтобы на время переехать к ней. Я покидала в сумку несколько вещей, на глаза попала желтая кружка на журнальном столике, из которой мама пила чай до того, как ушла. Замерев на секунду, я резко развернулась и сказала родственнице, что готова.

Все проблемы взяла на себя тетя, хотя ей было нелегко. Она даже поехала в нашу квартиру и разобрала мамины вещи – что-то выкинула, что-то отдала, что-то взяла себе на память.

Я все это время жила у нее дома, меня обнимали, целовали, дядя Миша часто спрашивал, не нужно ли мне чего. Мне ничего не было нужно. Наверное, их пугало мое замороженное состояние и отсутствие слез, но никто ни о чем подобном мне не говорил. Я поняла, зачем нужны все эти ритуальные традиции – прощание, поминки. Тетя Света и мама были очень близки. Думаю, что такой удар нелегко было перенести моей единственной оставшейся родственнице. Если бы не необходимые заботы, она бы легла в свою постель и рыдала бы сутками напролет. Но у нее не было такой возможности, приходилось через боль и усталость вставать и идти договариваться по поводу ритуального зала, столовой, покупать необходимое. Эти хлопоты и забота обо мне заставляли ее не погрязнуть в горе. А у меня хлопот не было, была только моя боль, которая почему-то не вырывалась наружу. Как будто внутри жгло настолько, что на крик или слезы просто не оставалось сил. Я думала обо всем, только не о маме. Какие документы мне нужно будет собрать, чтобы вступить в наследство? Сообщили ли на работе, по какой причине я пропускаю? Стоит ли до сих пор на журнальном столике желтая кружка?

Через неделю после похорон я вернулась домой, хотя тетя Света и возражала. Сидела в тишине на диване и не думала ни о чем. Не знаю, сколько прошло времени, но я очнулась от резкого звука стационарного телефона. Подняла трубку:

– Да?

– Маргарита Викторовна! Простите, что звоню вам домой. Я сейчас в Канаде...

– Это не Маргарита Викторовна. Я ее дочь. Мама умерла.

В трубке повисла пауза, потом какие-то слова. Я не стала слушать. Положила трубку, села обратно на диван, а в звенящей тишине звучал отголосок собственных слов. Мама умерла. Моя мама. Мама.

И тут я зарыдала. Не заплакала даже, а завывала. Все невыплаканное потекло наружу. Долго-долго я еще потом лежала на полу, скрючившись и не обращая внимание на время. А утром встала, умылась и заставила себя жить дальше.

* * *

Меня зовут Аня. Мне 23 года. Я живу в центре города в собственной двухкомнатной квартире, доставшейся мне в наследство от матери. Учусь в аспирантуре по специальности «Экономическая теория», собираюсь писать диссертацию по теории прав собственности. Зарплата у меня небольшая, но нужды я не испытываю. К тому же, мои единственные родственники – тетя Света и дядя Миша, ее муж, – всегда предлагают свою помощь. У меня много хороших знакомых, но единственный друг – Юлька – живет теперь в Москве, откуда мне периодически звонит. Кстати, желтая кружка так и стоит на журнальном столике. Наверное, там ее место.

* * *

Эта история началась примерно через восемь месяцев после смерти мамы. Я уже почти смирилась с мыслью, что ее нет, и привыкала жить одна. Ходила на работу, общалась по телефону с Юлей и Гришкой, когда они звонили, иногда заходила к тете Свете, хотя и не так часто, как той бы хотелось. Моя апатия еще была со мной, но с окружающими я могла вполне адекватно общаться. Только вечерами иногда долго-долго сидела в тишине на диване, перед журнальным столиком.

В тот день вокруг благоухала ранняя осень – мое любимое время года. Было то самое время суток, когда день постепенно проваливается в вечер, воздух становится особенно свежим и каким-то объемным, соединяя в себе черты дня и вечера, лета и осени. Я шла домой с

работы, и настроение становилось приподнято-задумчивым. Я впервые за долгое время наслаждалась жизнью и одиночеством, оттягивая момент возвращения в пустую квартиру.

В одном месте, где тротуар проходил совсем близко к проезжей части, рядом со мной вдруг резко затормозила огромная черная машина с тонированными стеклами. Я остановилась и замерла. Открылась задняя дверь и оттуда выглянул мужчина. Я сразу его узнала. Тот самый «банкир».

– Аня, садись, пожалуйста, в машину. Нам надо поговорить, – произнес он.

Я, конечно, не трусиха. Но и не самоубийца. Поэтому медленно начала отступать от дороги. С переднего сиденья быстро – я бы сказала, слишком быстро – вышел молодой парень. Он мгновенно оказался рядом, и я почувствовала железные тиски его руки выше правого локтя. Он направил меня в машину и захлопнул за мной дверцу. Сопротивляться было бессмысленно, да и произошло все слишком стремительно, поэтому я временно смирилась со сложившейся ситуацией. «Банкир» сказал: «Нам надо поговорить». Ну что ж, поговорить – это же не сильно больно? Машина мягко тронулась с места, и уже через несколько минут мы подъехали к старенькой пятиэтажке. Я молчала. Ему надо – пусть и говорит.

Старший мужчина вышел из машины, а его громила подошел к двери с моей стороны и настежь ее распахнул, молча приказывая выходить. Я повиновалась тычкам в спину, направляющим меня вслед за удаляющимся похитителем, соображая, что делать дальше. Шанса на побег я не видела – громила дышал мне в затылок. Осознание того, что прямо сейчас меня убивать и насиловать не собираются, помогло мне собраться с силами и передвигать ноги. Квартира, в которую мы зашли, находилась на первом этаже. Беглый осмотр показал, что в ней никто не живет. В центре зала стоял большой стол и несколько стульев, другой мебели в квартире я не увидела. Громила придвинул мне стул и грубо усадил за стол. «Банкир» сел напротив, а молодой парень встал за ним, сцепив руки за спиной. Понасмотрятся голливудских боевиков, а потом изображают из себя «классических телохранителей». Ей-богу, даже смешно. Хотя я не смеялась.

Я смотрела в серьезное красивое лицо мужчины, предоставляя ему право первого слова.

– Аня, – начал он все тем же мягким голосом, – меня зовут Теодор. Мне от тебя кое-что нужно. Я сейчас все объясню, но нам предстоит длинный разговор.

Он замолчал. Ну и зачем ты еще растягиваешь свой длинный разговор ненужными паузами? Что это за имечко такое – Теодор? Вот выберусь отсюда, заведу себе ризеншнауцера и назову его «Теодор». Правда, едва уловимый акцент в его речи оправдывал иноземное имя. Он, вероятно, подбирал слова, с которых можно начать объяснение. И ему это явно не удалось, потому что вдруг он ляпнул:

– Я – вампир.

Видимо, ожидалось, что я должна что-то ответить.

– Да хоть Терминатор. Жидкокристаллический. Я вас не осуждаю, – как можно вежливее ответствовала я.

Глава 2. Теодор

С психами надо быть вежливой, это общеизвестный факт.

Застывшее выражение лица «банкира» ничуть не изменилось. А еще через две секунды я стала очевидцем зрелища, которое в тот момент никак себе объяснить не могла. Он ощерился, как озлобленный хищник, и прямо на моих глазах его клыки начали вытягиваться, все его лицо неуловимо менялось, а радужки как будто изнутри наполнялись темно-красным. Я отшатнулась так резко, что даже стул отъехал немного назад. Ух ты, и меня можно пронять! Круглыми от шока глазами я наблюдала обратную трансформацию – его клыки уменьшались, радужки снова становились серыми, лицо возвращало прежнее выражение.

Когда вы сталкиваетесь с чем-то, что не поддается разумному объяснению, есть только один вариант адекватной реакции – не реагировать никак. Раз сразу не понимается, то незачем и тужиться. Позвольте этой волне очевидного-невероятного окатить вас с головой, погрузитесь в нее. А осознать будете потом, постепенно, щадя рассудок. Поэтому я, пытаюсь унять дрожь в пальцах, придвинула стул обратно к столу и выпрямила спину, позволяя этой волне полностью поглотить меня.

Пауза затянулась. Похоже, мне давали время, чтобы прийти в себя. Колоссальным усилием воли я взяла себя в руки и нарушила молчание:

– А громила тоже... из ваших? – я кивнула на молодого «телохранителя».

Парень криво улыбнулся, приоткрывая клык. Симпатичный. Да и громила из него, мягко скажем, никудышный. Он, скорее, худощавый, рост – чуть выше ста восьмидесяти, почти черные волосы, темные глаза. Просторный свитер благополучно скрывает тело от моего всевидящего ока. Действительно, симпатичный. И чего его так угораздило?

– Так, ребята, для меня это как-то слишком. И зачем вам понадобилась я? – я вновь вперилась взглядом в Теодора. Вампира Теодора. Внутри зрела истерика.

– Есть вероятность, большая вероятность, что ты являешься прямым потомком Высокого Императора.

Все силы у меня уходили на то, чтобы не поддаться истерическому хохоту. Поэтому я нацепила самую серьезную из своих мин:

– Что, сильно высокого?

Громила, стоявший позади Теодора, ухмыльнулся. Меня это, как ни странно, обрадовало. В этом театре абсурда такая человеческая реакция выглядела как что-то понятное, за что можно мысленно держаться.

Теодор мой вопрос проигнорировал.

– Он – глава нашего сообщества. Если его единственная наследница станет частью нашей Тысячи, то нам это даст множество преимуществ.

Я пока решила не уточнять про «Тысячу» и «преимущества». Мне эта инсценировка из дурдома даже начинала нравиться. Поэтому просто вслушивалась в продолжение.

– Мы искали потомков Императора десятилетиями. Наши поиски начались с Прохоровой Марии – единственной доказанной прямой родственницы Императора. Она умерла еще в семнадцатом веке, но, согласно церковной метрической книге, у нее была дочь. По найденным документам мы обнаруживали все больше и больше потомков Марии, хотя историю многих ветвей воссоздать не удалось. Твои предки жили в Румынии, Польше, пока снова не вернулись в Россию.

Мне стало не по себе от того, что этот посторонний человек знает гораздо больше о моих возможных прародителях, чем я сама. Ах да, не человек же, вампир. Видимо, для осознания этого факта потребуется гораздо больше времени, а пока можно спокойно впасть в шок от более незначительной информации. Я молчала.

– И вот, – продолжал он, – единственная найденная нами целая родословная цепочка привела к тебе.

Я не прерывала молчание. Вопросов в моей голове было слишком много, чтобы пытаться их озвучить. Тогда Теодор решил продолжить сам:

– Но для доказательства твоего кровного родства с Императором необходимо провести тест ДНК – сравнить гены твои и Марии.

Мои глаза еще немного расширились. Теперь я уже точно должна была выглядеть как героиня классического аниме.

– Ее тело было эксгумировано без нашего ведома. Мы не знаем, кто и когда точно это сделал, но это говорит о том, что тебя искали не только мы. Без тела мы не можем дать Императору необходимые доказательства.

– Почему бы вам не попросить помощи у этого самого Высокого Чела? – решила я подать голос.

– Императора, – поправил он. – На то есть множество причин, главная из которых – держать твое существование пока в тайне. Ведь любая Тысяча захочет заполучить тебя, если узнает.

– И теперь меня обратят в вампира? – чуть раньше в моей голове это звучало не так глупо.

– Пока нет. До получения неопровержимых доказательств мы не можем это сделать. После обращения невозможно будет доказать кровную связь, так как ген бессмертия навсегда изменит состав твоей крови.

– Чудненько. А если вдруг окажется, что это ошибка? Что я не потомок?

– Тогда мы удалим все воспоминания о нас, и ты будешь продолжать жить привычной жизнью, как будто ничего и не было.

Ах, какие благородные чудовища! Что-то с трудом верится, поэтому я утвердила:

– Или убьете.

– Или убьем, – в тон мне отозвался Теодор.

Больше похоже на правду. Значит, в моих интересах оказаться прямой наследницей. Ну что ж, сделаю все от меня зависящее.

– И что от меня требуется?

– Оставаться живой и в поле нашего зрения. Мы сможем защитить тебя от других Тысяч, если они узнают про твое существование, а также от случайных происшествий, которые могли бы оборвать твою жизнь до того, как ты произведешь наследника. Мы не знаем, на какое время затянется поиск тела Марии и нужных доказательств. Ты еще молода, у тебя впереди много лет, когда можно будет совершить Ритуал. А пока ты сможешь жить почти обычной жизнью, только с чуть большей осторожностью.

Нет, лично меня он уже покорила. Такой неприкрытый цинизм, что скулы сводит. Судя по всему, я еще должна быть благодарна, что меня не будут держать в строгой изоляции, чтобы какой-нибудь вирус и маньяк не отняли у них драгоценнейшую меня. Хотя, возможно, это еще впереди. Но такую идею я сама подкидывать им не стану.

– А если я откажусь? – решила уточнить я, не надеясь на устраивающий меня ответ.

– Не откажешься. Зачем ты заставляешь меня говорить то, что уже и так очевидно? Если выяснится, что ты наследница, то за тобой начнется охота. Все захотят тебя заполучить. Даже если не будет однозначных доказательств, тебя в покое не оставят. Возможно, просто убьют, чтобы не рисковать тем, что такой перевес может оказаться в руках врага. И повторяю, то, что ты наследница – для нас уже почти несомненно. Нам только не хватает официального подтверждения. Но для самого Ритуала обращения твое согласие все же требуется, это повышает вероятность успеха.

Вероятность успеха? То есть успех в таком деле отнюдь не гарантирован? Шестеренки в моей голове вращались очень медленно и, кажется, при этом производили какой-то звук.

– То есть вас устроил бы любой мой прямой предок или потомок. Вы давно следите за моей жизнью, и мама тоже с вами встречалась, – я это осознала только сейчас, когда вспомнила ее реакцию на мой рассказ о «банкире» несколько лет назад. – Почему вы не пришли с тем же к моей маме?

– Ты неверно меня поняла, – терпеливо ответил он. – Кровная линия Высокого Императора идет не через твою мать, а через отца.

Отца. Человека, которого я никогда не видела. Ну спасибо, дорогой родственник, за оставленное наследство.

– Кстати, он умер двадцать лет назад. Пьяная драка. Других детей у него не было, – пояснил Теодор, как будто я требовала пояснений.

Я решила, что обойдусь без траура по любимому папочке. А Теодор продолжал:

– Было очень сложно выяснить, что у него остался ребенок – ты. Ведь ты не была зарегистрирована, как его дочь. Под внушенными эмоциями он рассказал нам об этом, а потом мы удалили его воспоминания. Сам он не подходил для Ритуала обращения из-за свойств характера, к тому же, тогда мы еще не были твердо уверены, что не ошиблись в своих поисках и просто решили сосредоточить внимание на тебе. Мы приехали сюда и встретились с твоей матерью, тебе тогда был год.

– Но она помнила вас! Почему же вы – как вы там сказали – не удалили ей воспоминания?

– Она для нас стала важна. Я представился дальним родственником твоего отца, предложил финансовую помощь, оставил координаты. Правда, она ко мне ни разу не обратилась. И после этого мы издали присматривали за ней. Помимо прочего, мы хотели выяснить, есть ли у тебя какие-то особые таланты или способности. У Высокого Императора есть одна способность, и если бы она проявилась у тебя, это бы стало неопровержимым доказательством.

– Ну и как, проявилась? – получилось излишне ехидно.

– Нет, ты совершенно обычный человек. Возможно, эта способность проявится только после обращения. Высокая степень психической устойчивости, а больше в тебе вообще нет ничего особенного.

Да он просто покоритель женских сердец!

– Значит, маму вы не убивали?

Он поднял бровь. Ура, я добилась хоть какой-то реакции, а то как с трупом разговаривала, честное слово.

– Зачем? Ты должна была жить максимально комфортной жизнью. Мы расследовали то дело и пришли к выводу, что авария и в самом деле была несчастным случаем.

– Хороша же ваша защита, если она ее не спасла, – я понимала, что обвинение могло быть несправедливым, ведь я не знала возможности и пределы их сил, но промолчать не могла.

Его ответ в очередной раз окатил цинизмом:

– С тех пор, как ты повзрослела, мы присматривали уже за тобой. Ее значение для нас стало минимальным.

Врезать ему что ли? А, к черту все. Мне надо это переварить. Я хочу домой.

– И что теперь? – устало спросила я.

– Мне нужно уехать из города. У меня много дел, и я не вправе покидать свой пост надолго. Ник, – он указал на громилу, – мое единственное Дитя. Я доверяю ему, как себе. Он останется с тобой, будет защищать и помогать тебе, если потребует. Когда-нибудь ты станешь моим вторым Дитя.

Я перевела взгляд на громилу. Значит, Ник. Тот, очевидно, был не слишком счастлив от поставленной перед ним задачи, но возражать не стал.

– А говорить ему со мной можно? – сейчас этот вопрос казался уместным, ведь Ник до сих пор не произнес ни слова.

– Ему можно все. Только чтоб в процессе ты осталась жива.

Ну просто отец года!

Я поднялась, одновременно отодвинув стул, и направилась к выходу. Ник, все время недвижимо стоявший за спиной Теодора, сделал шаг в моем направлении. Да, он же теперь мой защитник, моя опора и подпора. Я решила его поощрить:

– Ну что, громила, пошли? Так и быть, отвезешь меня домой.

Он презрительно скривился, а Теодор спросил уже мне в спину:

– Почему ты не задаешь больше вопросов? У тебя их должно быть очень много.

Их и на самом деле было много, но не сейчас, не сегодня. Надо сначала осознать то, что на меня успели вылить.

Поэтому я спросила:

– А кто сильнее – вампиры или пришельцы?

Он опешил. А я добила:

– Громила Теодорыч, не отставай!

Да, уровень моего хамства прямо пропорционален силе моего страха.

* * *

Ник вез меня домой в полном молчании. Я рассматривала его профиль – прямой нос, очень темные волосы, падающие на лоб. Он мог бы быть кинозвездой. Если бы умел разговаривать. А может, умеет?

– Так это что получается, – спросила я его, – ты мне типа брата будешь?

Он повернулся ко мне на секунду. У него были не черные, как мне сначала показалось, а темно-синие глаза. Может быть, линзы? Или какая-нибудь вампирская фишка? И он ответил. Ага, оказывается, может, когда захочет!

– Типа того.

Черт возьми, аж мурашки по коже от такого красноречия! Хотя голос у него был мягкий, тоже с ноткой бархата, которого у Теодора было в переизбытке.

– И много твой отец нам с тобой таких родственников настрогал? – мне хотелось еще раз его услышать.

– Не отец, а Мастер. Нет. Я пока единственный.

Интересно, это хорошая новость или плохая? Ник был явно неразговорчив, или просто не хотел разговаривать именно со мной. Я решила это проверить:

– Тебе не нравится то, что ты должен делать? Ну, там защищать меня, помогать.

– Нет.

Это было совершенно однозначное «нет», означающее «нет, не нравится». Мне стало неинтересно, почему именно так. Моего мнения вообще-то тоже никто не спрашивал. Больше разговаривать с этим гением красноречия не хотелось.

Когда подъехали к моему дому, я запоздало отметила, что он не спрашивал ни адреса, ни даже номера подъезда. Точно, они же «издалека следили». Завтра вдумаясь, что это могло бы значить на практике. Я вышла из машины и направилась в подъезд, Ник шел следом. Наверное, он теперь всегда будет со мной. Даже в туалете. Здорово-то как!

Я открыла дверь в квартиру и зашла, думая, что он последует за мной. Но Ник остановился на пороге.

– Эй, громила, ты там останешься? – я же не знаю, как должна в его понимании выглядеть эта самая «защита».

И тут он сказал самую потрясающую вещь за сегодняшний день:

– Пригласи меня.

Все накопленные эмоции я до сих пор сдерживала. Истерика внутри никуда не делась, она ждала своего часа. И вот это самое «пригласи меня» стало последней каплей.

– То есть без приглашения ты зайти не можешь? – я уже открыто смеялась.

– Могу. Но лучше, чтобы ты пригласила, – ему мой смех явно пришелся не по душе.

Возможно, он даже был смущен! Ну, немного так, по-вампирски.

У меня от смеха выступили слезы.

– Тогда я, пожалуй, не стану тебя приглашать!

– Я должен защищать тебя. Я должен быть рядом. Это желание Мастера, хотя как по мне, будь ты проклята со своей «высокой» кровью, – он скрипнул зубами.

Какой нервный громила! Но я не собиралась сдаваться, не собиралась никому облегчать жизнь. Я вообще не из тех, кто быстро сдается.

– Значит, переночуешь на коврике в подъезде. Я в вашей физиологии не разбираюсь, но вряд ли ты умрешь от простуды, – это было последнее, что я сказала перед тем, как захлопнуть дверь.

Оставшись одна, я наконец-то дала волю чувствам. Я хохотала так, что дрожали стены. А потом, неожиданно для себя, начала плакать. Не от обиды или страха, а потому, что внутри меня накопилось слишком много эмоций, требовавших выхода. Высокая степень психической устойчивости, говорите? Ну-ну.

Глава 3. Бет

Утром я проснулась от звонка будильника. Надо было собираться на работу. В голове царил приятная пустота. Психика обладает функцией самоочистки – она сама снижает накал эмоций, если их становится избыточно много. О произошедшем вчера я не думала. Автоматически совершая все привычные утренние действия, я просто-напросто игнорировала попытки мозга напомнить мне о том, что еще есть множество тем, ждущих моей неукротимой мыслительной деятельности.

Игнорировала я их до тех пор, пока не открыла дверь квартиры и не столкнулась нос к носу со вчерашним громилой. Что, он правда на коврике в подъезде ночевал? Но Ник опередил этот мой насущный вопрос:

– Я буду отвозить и забирать тебя с работы. Дай телефон, – я автоматически протянула сотовый. – Вот мой номер, на кнопке быстрого вызова. Это на тот случай, если меня не будет рядом. Если у тебя возникнут какие-нибудь дела, сообщи, я пойду с тобой.

Вряд ли у меня могут возникнуть какие-то непредвиденные «дела». С друзьями я давно не встречалась, а мои визиты к тете можно было пока отложить. Показалось странным, что он не выказывает обиды по поводу моего вчерашнего поступка. Вероятнее всего, он и не ожидал от меня помощи.

Я продолжала молчать. Почему-то совсем не хотелось задавать ему вопросы. Наверное, одно из немногих, что за вчерашний день улеглось у меня в голове – то, что он не относится ко мне с симпатией. Мы молча доехали до института, где я вышла.

Рабочий день пролетел быстро. Как-то слишком быстро. Я подумала, что Ник ведь не знает, во сколько я заканчиваю, а каждый день у меня было разное расписание. Размышляя о том, стоит ли мне позвонить ему, или я вполне способна добраться до дома самостоятельно, вышла из здания. Однако на парковке я заметила знакомый черный автомобиль с тонированными стеклами. Я не стала строить из себя английскую королеву, а просто села на переднее сиденье, рядом с водителем. Ник, кажется, уже давно меня ждал. А, может, он и не уезжал вовсе, боясь потерять из поля зрения? Я и об этом спрашивать не хотела.

– У тебя есть планы на остаток дня? – спросил он неожиданно, после долгой паузы.

– А ты хочешь меня пригласить на свидание? – я не удержалась от издевки в голосе.

– Язва, – констатировал он.

О! Да он, наверное, всю ночь придумывал мне кличку, способную сравниться с моим «громилой». Не дождавшись моей реакции, он продолжил:

– Я отвезу тебя кое-куда. Пора знакомиться с нашими друзьями.

– Нашими друзьями – вампирами? – а ведь скоро я начну привыкать.

– Да.

– Зачем?

– Потому что ты не хочешь задавать вопросы мне, а я не хочу отвечать на них. И нам почаще надо друг от друга отдыхать.

Я даже возмущаться по поводу его резкости не стала, ведь он исчерпывающе описал наши с ним «отношения».

Привез он меня, как ни странно, в салон красоты. Это было большое четырехэтажное здание с яркой вывеской «Элизабет». Внутри все блестело, вокруг сновали девушки, обслуживающие клиентов. Огромный зал был разделен на секции для разных видов услуг. Ник шел впереди, я старалась не потерять его из виду. Он свернул к лифту, на котором нажал самую верхнюю кнопку, подписанную буквой «В». Лифт бесшумно поднялся на нужный этаж и распахнул перед нами двери.

Впереди, после короткого прямого коридора, была новая дверь, на которой красовался видеофон. Ник нажал на кнопку вызова. Через минуту экран показал черно-белое лицо какой-то девушки. Она вскрикнула: «О!» и открыла нам, пропуская внутрь помещения.

Мы зашли. Девушка, которая была ниже меня ростом, с яростным визгом бросилась на моего громилу. Она повисла на его шее, обхватив заодно ногами его талию. А с его лицом случилось что-то неопишное, повергшее меня в шок – он улыбался! Ну, знаете, как будто ему на самом деле было приятно! Во все шестьдесят восемь зубов! От обморока меня спасла та же девица, указавшая подбородком в мою сторону:

– Николя, а кто этот человек?

Ник, продолжая обнимать девушку за плечи, развернул ее ко мне. Его улыбка скисла. Не исчезла с лица, а именно скисла. Я даже не удивилась осознанию того, какое впечатление на него произвожу. Да и вообще, улыбаться ему противопоказано. Должен быть какой-нибудь федеральный закон, запрещающий ТАК улыбаться. Ведь окружающие-то люди могут скончаться от переизбытка чувств. Ник тем временем представлял меня девушке:

– Человека зовут Анна. Мой Мастер хочет ее обратить, но не сейчас. Есть вероятность, что ей грозит опасность, поэтому Мастер оставил меня ее охранять.

Идеальные брови девушки удивленно изогнулись. Она вообще была очень хорошенькой – черные вьющиеся волосы, покрывающие ее макушку объемной шапочкой, огромные зелено-карие глаза и фарфоровая кожа. Она напоминала изящную куколку. Уверена, что людей, которых обращают в вампиров, специально подбирают, учитывая внешние данные, а иначе как объяснишь привлекательную внешность всех без исключения, с кем мне «посчастливилось» познакомиться?

– Тебя?! Охранять? – девушка сощурилась, понимая, что Ник рассказал ей далеко не все. Наверное, в этом факте было что-то странное, но я не спрашивала, предпочитая дожидаться своей очереди на допрос. Что, собственно, и получила:

– Значит, Аня? – спросила девушка, обращаясь ко мне.

Я кивнула.

– Меня зовут Бет. Как я понимаю, ты уже в курсе, кто мы.

Снова утвердительный кивок.

– Наверное, тебе сейчас сложно это все принять, – в ее голосе слышалось сочувствие.

А вот за это я уже готова была ей признаваться в вечной любви и преданности. Поэтому ответила максимально развернуто, насколько позволял в тот момент мой мыслительный процесс:

– Да.

Она, улыбаясь, подошла ко мне и взяла за руку:

– Пойдем, – и повела меня по направлению к огромному дивану, стоящему посередине квартиры-студии. Было понятно, что тут она и жила – вокруг были разбросаны разноцветные подушки, на стене висел плазменный телевизор, а окна были закрыты непроницаемыми жалюзи.

Я оглянулась и увидела, что Ник направляется в сторону входной двери.

– Эй, громила, а ты куда?

– Тут ты в безопасности, – удостоил он меня ответом. А Бет тут же подхватила:

– Пусть идет! Мы пока с тобой познакомимся. Эй, Николя, – крикнула она уже ему, – вечером встречаемся в «Клык».

Он улыбнулся только ей и закрыл за собой дверь.

В «Клык»... Какое оригинальное название! И не подумаешь даже, что это место вампирских посиделок.

Бет усадила меня на диван, а сама села рядом, не отпуская мою руку. Я надеялась, это не значит, что она хочет меня в сексуальном... или пищевом смысле. Но руку не одернула.

– Ну, расскажи, что ты уже знаешь! А я потом расскажу тебе все остальное, – начала Бет. Все же мне очень повезло, что Ник додумался привезти меня именно к ней.

– На самом деле, почти ничего, – я почему-то не хотела ей рассказывать о моей возможной кровной связи с Его Высочеством. – Теодор мне сказал только о том, что он... вампир, – это слово, произнесенное вслух, звучало до сих пор очень глупо. – И о том, что хочет меня сделать... одной из вас.

– А он показывал тебе? – я сразу поняла, о чем она – о той самой демонстрации «вампиризма».

– Да. Но я хотела бы увидеть еще раз... если можно, – мне очень нравился ее радушный прием, и я боялась все испортить.

– Конечно! – она тут же оскалила клыки, которые начали расти. А ее глаза из зеленых с оттенком коричневого превращались в красные. Оставаясь в таком виде, она предложила:

– Можешь потрогать, если хочешь, – имея в виду, конечно, клыки. Я потрогала. Не то, чтобы мне очень хотелось их трогать, но добавление к визуальным ощущениям еще и тактильных делало происходящее реальнее.

Бет приняла свой обычный облик, хотя я пока и не знала, какой из двух обликов для них обычный. Теперь мне стало понятно, что я могу спрашивать, о чем захочу.

– Вы бессмертны?

Она на секунду задумалась.

– Да, можно и так сказать, но... – она не стала продолжать начатую мысль, и как будто повернула тему в другом направлении. – Хотя для поддержания молодости нам требуется кровь. Нет, нет, – она опередила мой вопрос о происхождении этой самой крови, – чаще всего, вполне достаточно крови животных, донорской или живой, человеческой, но без убийства. На самом деле, требуется очень незначительное ее количество... Тут много тонкостей, о которых ты со временем узнаешь.

Я кивнула, отметив для себя, что вопрос о бессмертии не вызвал однозначного ответа. Ладно, все будем узнавать постепенно. Я решила продолжить расспросы.

– А что такое внушение эмоций и удаление воспоминаний?

– Внушение – это особый дар, которым обладает каждый вампир, но в разной степени. Это управление эмоциями, а не прямой приказ к какому-то действию. Вампиры, за редким исключением, не могут заставить человека прыгнуть с крыши или сделать что-то, что в обычной своей жизни он никогда бы не сделал. Мы можем просто моделировать настроение – например, успокоить, озлобить человека, заставить его быть более откровенным или, наоборот, желать умалчивать о каких-то событиях.

Так-так. А ведь я почему-то не захотела рассказывать ей о моей связи с их Длинным Императором. Меня никто об этом не просил, да и я не чувствовала себя обязанной Теодору или Нику... Я просто не захотела об этом говорить. Интересно, я смогу дать громиле в челюсть, если воспользуюсь эффектом неожиданности?

А Бет продолжала объяснения:

– А удаление воспоминаний – это особое умение, которым обладают далеко не все вампиры. Они могут заставить человека... – она явно подбирала слово, – не придавать значения каким-то воспоминаниям. Например, женщина стала свидетелем убийства. Вампир, обладающий такой способностью, может заставить ее воспринимать это событие, как будто оно случилось много-много лет назад или приснилось ей. То есть окончательно человек не забывает, но перестает придавать этому значение. А со временем и отголоски этого воспоминания стираются. Правда, сила этого дара бывает разной. В каждой Тысяче есть хотя бы один вампир, способный полностью стереть человеку память.

Я задала вопрос, на который уже знала ответ:

– У громилы есть эти способности?

Она улыбнулась, услышав названное прозвище. Ну, я готова согласиться, что оно совсем ему не подходило, но пока не хотела от него отказываться.

– Конечно. Мастер Николая – очень могущественный вампир. Его Дитя в любом случае унаследовало бы его силу.

– А ты? – Бет мне, безусловно, нравилась, но и доверять ей полностью я пока не могла.

– Внушать эмоции – да, стирать воспоминания – нет.

Что ж, наверное, поэтому она мне и нравилась.

– Что такое «Тысяча»? – это слово упоминалось уже не раз, но я не представляла, о чем идет речь.

– Вампирское сообщество не может быть слишком большим. Оно жестко контролируется Высокой Властью во главе с Императором. Он – самый могущественный из всех вампиров, у него есть своя свита и армия. По сути, он следит за тем, чтобы остальные вампиры не нарушали правил, главное из которых – не раскрывать себя перед людьми и снижать уровень убийств смертных. А такое все же иногда случается по нашей вине. Мы живем и работаем вместе с людьми, мы соблюдаем баланс, который невозможен без контроля над популяцией. Так вот, наше общество разделено на кланы. Максимальная численность одного клана – тысяча вампиров. Мы с Николаем принадлежим к Тысяче Волка, а Теодор вот уже больше восьмидесяти лет – ее Глава.

Бет отодвинула воротник своей блузки и показала татуировку над ключицей – небольшая черная голова волка.

– Татуировку нам делают еще до Ритуала обращения, поэтому удалить или изменить ее потом не получится. Аналогичные татуировки есть у всех санкционированных вампиров, поэтому после Ритуала свою Тысячу поменять на другую будет невозможно. Поскольку ни один из кланов не может нарушить квоту в тысячу вампиров, Главы каждой Тысячи жестко отслеживают «качество» новообращенных. Они должны быть полезны Тысяче на протяжении столетий. Многих даже обучают заранее, еще до Ритуала, определенным навыкам, которые могут пригодиться потом. Если тебя выбрали, это значит, что в тебе увидели пользу для Тысячи Волка.

Да-да, я уже в курсе этой пользы. Я хотела спросить о какой-то необычной способности Выдающегося Императора, которую вчера упомянул Теодор, но не решалась. Бет вдруг резко вскочила с дивана и заявила:

– На сегодня хватит. Постепенно я расскажу тебе обо всем, но мы будем выдавать тебе информацию небольшими дозами, чтобы ты успевала все усвоить. Кстати, можешь приходить ко мне в любое время – ты теперь знаешь, где я живу. Я владею этим салоном красоты, но мое постоянное присутствие там не требуется. Мы не любим бодрствовать днем, поэтому визиты до пяти-шести часов вечера крайне нежелательны. Однако в случае чрезвычайной ситуации – не стесняйся!

Я улыбнулась.

– Можно я задам еще один вопрос? Это очень важно.

Она кивнула.

– Вампир не может войти в дом человека без приглашения?

– Может, но... – Бет попыталась сделать свое объяснение более понятным. – Понимаешь, в доме человека незримо присутствует аура тех, кто в нем живет. Неважно, кто владеет домом, важно – кто создает в нем атмосферу. Это могут быть даже гости, которые часто навещают хозяев и много времени проводят в этом помещении. Так вот, если кто-то из живущих в доме против присутствия одного из нас, то эта атмосфера начинает нас угнетать. Вампир слабеет, как будто находится на открытом солнце, он не умирает, конечно, но постепенно теряет свои силы, которые впоследствии довольно долго восстанавливаются. Приглашение является своеобразным формальным согласием на присутствие гостя... При этом приглашение под вну-

шенными эмоциями или когда человек по каким-то причинам вынужден его произнести, не ощущая положительного отношения к гостю, – не сработает. Чем меньше в доме постоянных смертных жителей, тем сильнее влияние каждого на общую атмосферу. Добровольное согласие на присутствие вампира может в любой момент смениться на негативное отношение, тогда аура дома опять начинает работать против нас. Собственно, если ты очень часто будешь бывать у меня в гостях, а потом почувствуешь по какой-то причине отвращение ко мне, то ты вполне способна выгнать меня из моего собственного дома. Ну, если только я не успею тебя убить до этого, – она окатила меня самой очаровательной из своих улыбок.

Меня рассмешила ее ирония. И тут Бет сообразила:

– Ты пригласила Николая в свою квартиру?

Меня почему-то смутил ее вопрос.

– Нет.

– А он вошел?

– Нет, – я почувствовала неловкость. Я понимала, что Бет относится к Нику очень хорошо, и я как будто обидела ее саму, отказав ему. Но Бет просто констатировала:

– Значит, тебе действительно грозит опасность. Он не стал рисковать своими силами при вероятности угрозы.

Продолжать эту тему мне расхотелось. А Бет хлопнула в ладоши и сказала:

– Лучший способ понять вампиров – погрузиться в наш мир! Давай начинать собираться.

Оказалось, что я тоже иду в «Клык». Бет отправила меня в душ, а сама принялась обзывать всех, кто, на ее взгляд, должен был присоединиться к вечеринке.

Моя новая подруга не просто так являлась владелицей салона красоты. Она соорудила мне прическу, сделала макияж и нашла в своем огромном гардеробе одежду моего размера. Я не стала спрашивать, зачем она хранит вещи, которые ей бы не подошли, решив для себя, что для того, чтобы просто заполнить пространство гардероба, который по площади превышал мою квартирку. А, может, ей часто «подкидывали» юных девиц, нуждающихся в профессиональном стилисте. Или нет... Скорее всего, она выполняет функции какого-то своеобразного психолога, помогающего адаптации таких, как я. В результате ее усилий я выглядела как никогда ярко – черные обтягивающие джинсы, туфли на высоком каблуке и синяя блузка, которая так некстати очень гармонировала с цветом глаз громилы. Завитые локоны, ниспадающие с плеч и профессиональный мейк-ап изменили мой внешний вид. Я бы сказала, что это было преобразование в духе голливудских мелодрам, но в сравнении с виденными мной до сих пор вампирами, я все равно оставалась довольно обычной девушкой. Так что в этой сказке до Золушки я так и не дотянула.

* * *

Как и ожидалось, «Клык» оказался вампирским баром – постоянным пунктом встречи местных жителей этого вида. Не запрещалось приводить туда и людей, поэтому говорить вслух о всякой мистике не полагалось, о чем меня Бет заранее предупредила. А если вдруг что-то выходило из-под контроля, то смертным очевидцам «удаляли воспоминания», обращаясь к помощи тех, кто таким даром обладал.

Мы пришли, когда вечеринка была в самом разгаре. Внутреннее помещение было достаточно просторным, посередине стояли бильярдные столы, а вокруг небольшие столики, многие из которых были сдвинуты. Присутствующих оказалось гораздо больше, чем я ожидала. Навскидку, тридцать или сорок вампиров, и постоянно прибывали новые. Также я заметила и нескольких людей. Меня даже не удивил тот факт, что я теперь безошибочно отличаю вампиров от смертных. Когда знаешь точно, какие признаки искать, то они становятся очевидными. У вампиров кожа более бледная, волосы у всех без исключения насыщенного оттенка и более

блестящие, чем у среднестатистического человека, движения чуть, едва уловимо, более плавные. Мужчин среди присутствующих в зале было гораздо больше, чем женщин. И все вампиры по-своему были фантастически красивы, независимо от пола.

Вокруг царило пьяное веселье. Кто-то танцевал, некоторые даже на бильярдных столах, кто-то смеялся, и все пили. Это меня несколько озадачило.

– А вы тоже можете опьянеть? – тихо спросила я у Бет.

Она, уже принимая от кого-то рюмки с текилой, звонко рассмеялась:

– Еще как!

Неужели они каждую пятницу так гуляют или сегодня какой-то особый повод? Над тем, как себя вести, я размышляла недолго, уже погружаясь в эту безумную атмосферу. Залпом опрокинув первую рюмку, я ощутила, как мне прямо в руку заменили пустую тару на полную. Я рассмеялась от неожиданности. Даже не успела заметить, кто это сделал!

Бет тянула меня за руку к свободному столику, по пути здороваясь со всеми, на кого мы наткнулись. Как только мы устроились, на стол поставили бутылку с той же адской жидкостью, которая уже заставляла меня беспричинно смеяться, и разные закуски. Думаю, официантами тоже были вампиры. А иначе скорость их обслуживания не объяснишь.

К нам, даже не спрашивая разрешения, тут же подсади трое – два парня и девушка, все вампиры. Они горячо поприветствовали Бет, один даже приобнял ее, поближе пододвинув стул, спросили мое имя и представились сами. Олег, Маша и Мик. Последний – очаровательный блондин, который не скрывал своей симпатии к Бет. Олег и Маша были внешне очень похожи – рыжие волосы, изумрудные глаза. Оба улыбчивые, постоянно шутили сами и каждый раз покатывались со смеху от шуток друзей. Меня спрашивали, впервые ли я тут, встречаюсь ли с кем-нибудь и подобные мелочи. Ничего из того, что могло бы меня как-то натолкнуть на мысль о том, что я нахожусь в необычном месте. Конспирация – она такая!

Я спросила у Олега и Маши, являются ли они братом и сестрой.

– Какое чудесное открытие, Шерлок! – хором ответили они. Видимо, этот вопрос им задавали все новые знакомые. Они вообще многое говорили хором. – Мы – близнецы!

Мы много пили и смеялись. Я совершенно не чувствовала себя лишней в этом кругу старых друзей. Возможно, виной тому был алкоголь, к которому за свою предыдущую жизнь я не успела выработать иммунитет. Олег вскочил, схватил меня за руку и потащил танцевать. Я уже успела заметить, что вампиры двигаются под музыку с особым изяществом, которое мне было не под силу. Но атмосфера всеобщего веселья не давала и секунды на то, чтобы начать стесняться. К нам постоянно подходили разные вампиры. Они здоровались с Олегом и знакомились со мной, хотя их имена я давно перестала запоминать. Звучала быстрая, немного тяжелая, музыка, Олег иногда едва касался меня. Скорее для того, чтобы обозначить, что я не одна, чем внести в наши движения сексуальный подтекст. Я чувствовала, что покраснелась, хотела пить и немного отдыха. Поэтому и позвала Олега обратно за столик. Только мы уселись на место, как кто-то в стороне громко крикнул:

– Пришел!

Лица моих спутников, как одно, растянулись в улыбке, они вскочили со своих мест и направились к центру зала. Все танцующие расступились, пропуская смеющегося Ника, в руках у которого уже красовалась открытая бутылка спиртного. Он здоровался со всеми, кому-то пожимая руку, с кем-то тепло обнимаясь. Все хлопали его по плечу и звали за свои столики.

Так вот, оказывается, по какому поводу вечеринка. Даже странно, что меня тоже пригласили, я-то в число фанатов громилы не вхожу.

Я шепнула на ухо стоявшей рядом Бет:

– Он что, местная знаменитость?

– Почему только местная? – изумилась она.

Мне все же было интересно узнать, с чего вдруг такой ажиотаж.

– И что, со всеми знаком? – мне это казалось странным, ведь он, кажется, совсем недавно приехал в наш город.

– Почти. Они знают друг друга еще с Войны.

– С какой Войны? – опешила я.

– С Войны Тысяч, – ответила она так, как будто об этом пишут в каждом учебнике истории.

Вот как. Еще один пазл. Оказывается, преимущество в моем лице Тысяче Волка нужно не просто так. Они воевали, возможно, враждуют и по сей день. Сейчас я не могла отпустить Бет без объяснений. Я схватила ее за руку и оттащила в сторону. Остальные были заняты приревнованием Ника и на нас внимания не обращали.

– И что это за Война такая? – начала я допрос.

Она вздохнула, но постаралась ответить максимально развернуто:

– Власть Высокого Императора очень велика. Только объединившись, три-четыре Тысячи могли бы свергнуть его. Это была изначальная идея – объединить Тысячи и выступить против Императора. Но Императору, конечно, было невыгодно, чтобы разрозненные Тысячи превратились в единые Семь Тысяч. Он выбрал несколько кланов и помогал им, взамен предоставляя возможность уничтожать своих и их противников. Тысячи никогда до тех пор и не жили мирно, поэтому идея всеобщей войны прижилась гораздо быстрее, чем всеобщего объединения. К тому же, возникал вопрос, кто займет место свергнутого Императора, если переворот все же удастся. Поэтому бывшие союзники становились самыми непримиримыми врагами. Война Тысяч длилась несколько лет, а в последний год она вышла за рамки вампирского сообщества. Свидетелями некоторых боев стали смертные, а в Тысячах создавались новые вампиры в нарушение установленных квот. Разрастался хаос, который грозил разрушить все. Тогда Высокий Император объединился с охотниками и силой заставил Глав Тысяч подписать мирные договоры. Война закончилась, сейчас открытые столкновения не разрешены, но любви к «чужим» нам это не прибавило. Я бы не захотела жить на территории, например, Тысячи Сокола. Хотя свободные перемещения официально разрешены.

– А кто начал Войну?

– Мы.

Я оторопело смотрела на нее. Кажется, с этого и надо было начинать мое посвящение в «вампирские тайны». Она сочувственно хлопала меня по плечу и сказала:

– Если теперь ты закончишь веселье, то я тебя больше не знаю!

Я слабо улыбнулась.

– Долой хмурый вид, – заявила она и потащила меня к нашему столику.

Я сделала над собой усилие и постаралась снова проникнуться окружающей атмосферой. Текила и приятная компания, тоже вернувшаяся к нам, этому очень способствовали. Мы смеялись и снова танцевали – на этот раз к нам присоединилась вся компания. Я увидела Ника, танцующего на бильярдном столе с двумя девушками. Бутылка у него в руке уже была почти пуста. На нем была черная рубашка, уже полностью расстегнутая одной из девушек. Одной рукой он прижимал к себе красивую брюнетку и громко смеялся, вытворяя в танце пируэты, достойные профессионального стриптизера. Он был чертовски привлекателен, когда его лицо озарялось таким безудержным смехом. Я невольно улыбалась в ответ на его улыбки, хотя он даже не смотрел в мою сторону.

Меня тронули за плечо и я, обернувшись, увидела перед собой высоченную блондинку. Она была так впечатляюще красива, что я замерла. Блондинку пошатывало, она наклонилась ко мне и смачно поцеловала в губы. От удивления я даже не успела отпрянуть. Блондинка развернулась на каблуках и пошла дальше, вероятно, к следующей жертве. Да, алкоголь на вампиров действует не хуже, чем на людей. Бет рассмеялась, увидев мою реакцию, и дала мне в руки очередную рюмку. «Завтра утром я пожалею об этом», – подумала я и выпила.

Вдруг музыку приглушили, и из толпы раздались крики: «Битва на столах!». Крик подхватили все, включая и нашу компанию. «Битва на столах, битва на столах!» – звучало повсюду. Одна я вопросительно смотрела на Бет. Она только махнула рукой, одними губами сказав: «Смотри!» – и повернулась в сторону одного из бильярдных столов, который стоял в самом центре зала.

На стол уже забирался светловолосый вампир, которому прозвище «громила» подошло бы куда лучше. Он был очень высок, широкоплеч, а когда стащил с себя футболку, то продемонстрировал окружающим гору перекачивающихся мышц. С другого конца зала несколько вампиров тащили под руки Ника. Подойдя к столу, они небрежно закинули его тело наверх. Ник поднялся сначала на колени, а потом, держась за штанину огромного парня на столе, кое-как встал на ноги. Его сильно шатало. Блондин, смеясь, помог Нику восстановить равновесие. Он взял протянутый ему снизу кий, и Ник качнулся в том же направлении. Ему протянули второй кий, но он отрицательно покачал головой. И только на протянутую открытую бутылку спиртного довольно закивал. Зал хохотал. Ник отпил, поставил бутылку на край стола и наконец-то взял предложенный кий.

Несложно было догадаться, что собой будет представлять эта битва на столах. Но Олег наклонился к моему уху и объяснил: «Бой будет продолжаться до тех пор, пока один из них не упадет. Это довольно весело». То, что всем было весело, пояснять не было необходимости. В зале раздавалось улюлюканье и подбадривающие крики. Вокруг звучало: «Может, подеретесь подушками, девочки?», «Дайте Нику еще выпить!», «Тайсон, поддержи его, а то он упадет еще до начала». Тайсон – это, похоже, тот белобрысый качок. Подходящая кличка. Ник был почти на голову ниже и значительно менее массивен, чем он. Рубашка у Ника так и оставалась расстегнутой.

И вдруг над залом прокатился звук гонга. Я поняла – началось. Секундная тишина в зале снова сменилась ревом. Противники глядели друг на друга, стоя на разных сторонах стола. Кий каждый держал правой рукой. Первым ударил Тайсон. Ник мгновенно отклонился, пропуская кий над собой и тут же контратаковал противника ударом кия под колени. Блондин упал на четвереньки. А Ник под всеобщий хохот прошелся по ободку стола, крутя свой кий на вытянутой вверх руке.

– Позер... – восхищенно прокомментировал Олег.

Тайсон тем временем встал на ноги и попытался сбить Ника с края, метя кием в ноги. Ник легко перепрыгнул, избежав опасности, потом ударил противника ногой. Два раза на одном замахе – чуть ниже бедра сбоку и в голову, при этом сильно наклонив корпус в сторону. Блондина повело, но он быстро восстановил равновесие, уже не улыбаясь. Все же не слишком приятно быть осмеянным толпой. Он ударил снова и на этот раз более успешно, вскользь зацепив Ника в области плеча. Тот успел развернуться по направлению удара, чем существенно снизил его силу, а потом сделал нечто невообразимое: очень быстро поставил кий вертикально перед собой, и, держась за него двумя руками, как будто подтягиваясь, оттолкнулся одной ногой от стола и направил тело по окружности вперед, ударив противника обеими ногами. Приземлившись, Ник сделал что-то типа реверанса беснующейся толпе, а потом обернулся к Тайсону. Тот упал на самый край стола, успев зацепиться в последний момент. Но, увидев приближающегося к нему Ника, сам отпустил руки и свалился вниз. Победитель же, пожав плечами, вернулся к своей бутылке, которая так и стояла с его стороны, щедро отхлебнул и подошел спиной к краю. Все поняли, что он собирается падать спиной, прямо на тех, кто стоит поблизости. Какой-то шутник закричал: «Расходись!». Те, кто не успел среагировать, пытались поймать Ника, но их уже было слишком мало, чтобы удержать его, поэтому пройдя сквозь них, как нож сквозь масло, Ник с грохотом упал на пол. Все вокруг покатались от хохота, который до этого момента был, как оказалось, не таким громким. Кто-то сквозь смех поинтересовался:

– Живой?

Все притихли, ожидая ответа. И пьяный голос Ника:

– А кто победил?

Я думала, что никогда в жизни до этого не смеялась. Я думала, что хочу быть частью всего этого. А не было ли это изначально так запланировано?

Глава 4. Ник

Вечеринка длилась до самого утра. Еще несколько раз проводились «Битвы на столах», каждый раз возвращая веселье на прежний уровень. Один раз опять на стол вытащили Ника, но он свалился с него, потянувшись за кием. Хорош защитничек, ничего не скажешь! Но присутствующие его победы и поражения воспринимали с одинаковым восторгом.

Когда толпа вывалилась наружу, земля уже покрывалась предрассветным маревом. Все прощались друг с другом и расходились к своим машинам. Я старалась не думать о том, как эти пьяные люди и вампиры доберутся до своих жилищ. Мик, Олег и Маша тоже уже попрощались с нами и заставили меня пообещать, что я обязательно «не потеряюсь». С трудом представляю, что, собственно, это могло значить, но принесла свою клятву на оторванной от бутылки этикетке. Проведенная в их обществе ночь была чудесной. Не знаю, всем ли они так рады или только я удостоилась такой чести, но была им благодарна за радушие. Мы с Бет стояли на крыльце, когда к нам подошел Ник. Впервые за всю ночь.

– Ну что, язва, домой? – спросил он меня. Его уже не качало, наверное, опьянение у вампиров проходит быстрее, чем у людей.

Мой ответ опередила Бет:

– Николя, пусть Аня останется у меня на выходные? Обещаю, что никуда, без твоего ведома, мы не пойдем. Ей еще очень многое надо наверстать.

Ник глянул на меня, кивнул и, развернувшись, направился к своей черной машине. Моим мнением никто так и не поинтересовался. Хотя я и не была против провести с Бет еще какое-то время, поэтому поспешила за ней к красному спортивному автомобилю.

* * *

– Доброе утро!

Утро не было добрым. Оно даже не было утром, если уж придирааться к формулировкам, потому что на часах, когда я открыла глаза, проснувшись от голоса Бет, светилось 16:37. Короче, в этом «добром утре» все было наперекосяк.

Я снова закрыла глаза и мысленно начала проклинать себя, Бет, Ника, Олега, человека, который изобрел текилу, женщину, которая родила человека, который изобрел текилу, Машу и Мика, гребаных официантов, Брема Стокера на пару с Энн Райс, Теодора и снова себя. Волею судеб, до сего прекрасного момента, я вообще не знала, что такое похмельный синдром. И я бы предпочла оставаться в счастливом неведении. Вслух само собой спросилось:

– А у вампиров бывает похмелье?

– Неа, – отозвалась Бет.

– Ненавижу вампиров, – совершенно искреннее призналась я.

– На, – смеясь, сказала Бет.

Я открыла глаза и увидела протянутую мне таблетку и стакан воды. Я не спрашивала, что это за лекарство, пребывая в уверенности, что она не собирается меня травить. Были гораздо более простые способы окончить мое брэнное существование – например, напомнить о вчерашнем.

Пролежав еще минут пятнадцать, я с удивлением обнаружила, что головная боль исчезла, а тошнота постепенно отступает. Поднялась и села, опершись на спинку. Я спала на диване, а Бет улеглась прямо на полу, расстелив одеяла и обложившись своими бесчисленными разноцветными подушками.

– Я заказала тебе пиццу, – сказала Бет. – Надеюсь, ты любишь пиццу?

Пиццу я любила.

Бет потянулась.

– А я зверски голодна, – она направилась к холодильнику. Видимо, там у нее находились запасы крови.

Я почему-то посчитала себя обязанной спросить:

– А я могу дать тебе свою кровь?

Она прямо посередине шага замерла, из чего я сделала вывод, что ляпнула какую-то глупость. Но вчера она говорила, что они могут питаться от человека, не убивая его. А может, это очень болезненно? Или этот процесс носит какой-то вторичный подтекст?

Бет медленно развернулась и прошипела:

– Дура!

Я не знала, как реагировать на столь тонкую критику.

– Дура, – повторила она. – Не смей никогда никому такое предлагать!

– Э-э-э... А могу я узнать, почему? И сразу после трех «дур» ты мне все терпеливо объяснишь.

– Сам Теодор, Глава Тысячи, хочет тебя обратить! Ты пока еще не понимаешь, какая это честь. У него вообще нет Детей, кроме Ника. Он своей силой не разбрасывается!

Замечательно. Только связи я до сих пор не видела.

– И?

– Если другой вампир выпьет прямо из тебя, в твоей крови навсегда останется его запах! Теодор не станет обращать того, кем питались другие. Кроме правил приличия, есть еще вероятность, что твоя связь с Мастером не установится.

О, правила приличия! Мне с этим дворцовым этикетом еще знакомиться и знакомиться.

– Какая еще связь?

Бет успокоилась, все же дошла до холодильника и залпом осушила небольшую колбочку с кровью. Потом вернулась ко мне и села рядом.

– Если обращение прошло успешно, то Дитя испытывает к своему Мастеру особую любовь и привязанность. Это восхитительная преданность своему Мастеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.